

Игнатий, диакон. Житие св. отца нашего Никифора, архиеп. Константинограда и Нового Рима, списанное Игнатием, диаконом и скевофилаксом святейшей великой церкви св. Софии / Пер. И. Д. Андреева; под ред. М. Д. Муретова // Богословский вестник 1899. Т. 3. № 12. С. 33–48 (2-я пагин.).

слыханное. Но не слѣдуетъ склоняться предъ ихъ угрозами и падать духомъ, а напротивъ нужно воодушевляться, ибо для войны у насъ есть помощь: враги истины подобны тѣмъ, которые стараются плыть противъ теченія стремительной рѣки: какъ эти, усиливаясь двигаться впередъ, противъ воли рѣкою относятся назадъ, такъ и тѣ, сколько бы ни болтали противъ истины, даже невольно соглашаются съ ней. Истина непобѣдима, всесильна и во всемъ имѣетъ рѣшающее значеніе: она умѣетъ увѣнчивать всегда достойныхъ и поражать вездѣ враговъ; съ нею неуязвимъ и безоружный; безъ нея легко побѣдимъ и тяжеловооруженный. Примѣромъ для сказаннаго являются тѣ, противъ которыхъ я говорю: не заботясь объ истинѣ, они оказываются посмѣшищемъ даже въ глазахъ школьниковъ, ибо впадаютъ въ противорѣчія и уподобляются безумнымъ, которые бьютъ свои тѣла“.

40. Сказавъ кратко это и надѣвъ на плечи священное одѣяніе ¹⁾, со всеѣмъ церковнымъ собраніемъ отправился онъ во дворецъ. Царь не привѣтствовалъ его, по обычаю, рукою и лобзаніемъ, какъ выраженіями искренняго расположенія, а бросивъ гнѣвный и яростный взглядъ, прошелъ и сѣлъ на царскій тронъ, а праведнику предложилъ второе мѣсто около трона. О чемъ онъ говорилъ въ то время съ царемъ одинъ на одинъ и какъ онъ засыпалъ царя изреченіями изъ божественнаго Писанія, такъ какъ уже настало время, сейчасъ будетъ рассказано. Думалъ этотъ обуеваемый нечестіемъ рабъ одолѣть святого, если сразится съ нимъ однимъ и безоружнымъ. И такъ, начинаетъ онъ, въ то время какъ гнѣвъ поджигаетъ

¹⁾ τὸ ἱερὸν ῥάκος

его умъ, какъ бы изъ сокровеннѣйшей глубины, говоритъ слѣдующее:

„Ради чего вы возбуждаете смуту, даже болѣе—неразумное возмущеніе противъ царской власти? Вѣдь всякій, кто безъ нашего дозволенія пытается устраивать собранія, внушать разномысліе съ нами и вымышлять молитвы къ Богу, является врагомъ общественнаго блага. Еслибы наша власть рѣшалась предпринять что-либо для уничтоженія православныхъ догматовъ и старалась, какъ утверждаете вы, поколебать ихъ древность, то каждый имѣлъ бы и время и средство подвергать насъ порицаніямъ и обвинять въ ереси. Но когда мы выказываемъ любовь свою къ православію, стараемся устранить всякіе раздоры и добиваемся всѣхъ привести къ единенію въ вѣрѣ, почему же оказываемся несправедливыми въ этомъ, желая умиротворить церковь? Развѣ ты не знаешь, что не малая часть народа волнуется и отдѣляется отъ церкви ради того, что въ ней воздвигаются и пишутся иконы, и ссылается на велѣнія Священнаго Писанія касательно ихъ воспрещенія? Если эти выраженія будутъ оставаться безъ изслѣдованія, то ничто не препятствуетъ согласію вѣры разрѣшиться въ раздѣленія и потомъ уже никогда не придти къ единству православія. Поэтому мы убѣждаемъ васъ безъ всякаго промедленія имѣть относительно ихъ бесѣду съ сомнѣвающимися и рѣшили убѣдить или убѣдиться, чтобы, познавъ правду, быть на ея сторонѣ и ей доставить содѣйствіе. Если же вы не согласитесь сдѣлать это и пожелаете молчаніемъ добиться правды, то вы знаете, какъ пойдутъ ваши дѣла“.

41. Выслушавъ, свѣтоносецъ истины Никифоръ отвѣчалъ: „не виновники мы, государь, раздѣленія и

смуты и не въ качествѣ оружія противъ твоей власти воздвигли мы нашу молитву, ибо молиться за царей, а не зложелательствовать имъ научаемся Писаніемъ. (1 Тим. 2, 1—2). И здоровое ученіе вѣры мы не направляемъ къ недугу иноученія; съ такими намъ воспрещаетъ обмѣниваться даже привѣтствіями вождь истины (2 Іоан. 10—11). Мы знаемъ также и предъ вами, знающими это, возглашаемъ, что миръ есть высшее благо по признанію всѣхъ людей, у которыхъ есть хотя немного разума, и что всякій нарушитель его причиняетъ бѣды не только сосѣдямъ, но и соплеменникамъ и родственникамъ своимъ. Лучшимъ царемъ оказывается тотъ, который умѣетъ избѣжать войны и придти къ миру. Ты же, когда дѣла церкви обстоятъ благополучно, съумѣлъ вызвать войну съ нами безъ повода и, когда правые догматы, въ коихъ проповѣдуется крестъ Христовъ, блещутъ,—ибо ни востокъ, ни западъ, ни сѣверъ, ни югъ не стоятъ внѣ этого свѣта,—ты рѣшился однакожъ воздвигнуть противъ нихъ какое-то темное ученіе людей погибельныхъ. Развѣ Римъ, первозванная кафедра апостоловъ, согласился съ вами въ отверженіи честной иконы Христа? Съ нами же онъ сотруждается и сонаслаждается въ почитаніи ея. Развѣ Александрія, священный удѣлъ евангелиста Марка, отказывалась когда-либо чтить плотское матеріальное подобіе Богоматери? Съ нами же она въ этомъ случаѣ поступаетъ и мыслить согласно. Развѣ Антиохія, славная кафедра первоверховнаго Петра, допускаетъ поруганіе изображеній святыхъ? Съ нами же она содержитъ ихъ древнее почитаніе. Развѣ Іерусалимъ, славная кафедра брата Господня, единомысленна съ вами въ упраздненіи отеческихъ преданій? Кто изъ іереевъ, пребывающихъ подъ вашей державой, слѣ-

дуетъ за вами и соглашается съ вами добровольно, безъ насилія? Какой изъ вселенскихъ соборовъ, которыми подъ водительствою божественнаго Духа составленъ чистый символъ вѣры, говоритъ объ этомъ согласно съ вами? Между тѣмъ кто не соглашается съ нимъ, тотъ не можетъ ткать покрыва догматовъ для церкви. Итакъ, государь, не подавай руки ереси, во прахъ лежащей и осужденной на приличествующее ей молчаніе, не внушай вопля противъ церкви. Да исчезнетъ она съ ея изобрѣтателями, да будетъ попорана и обезчещена. Несравненное же великолѣпіе церкви да пребудетъ навсегда. Ни одна часть вселенной, какъ сказали сейчасъ ваше величество, не рѣшается опечалить ее изъ за священныхъ иконъ, ни одна не умышляетъ смятенія противъ прочнаго ея порядка, ибо, обладая миромъ и твердостью, она одолеваетъ бури, волненія и самыя врата ада. Не пускайте этихъ новоизобрѣтенныхъ ученій противъ нашего древняго преданія, ибо они наставляютъ говорить не то, что угодно Господу, и суть изверженія чревоушщателей. Если же кто-либо изъ иномыслящихъ поколебалъ вашъ правый образъ мыслей, ибо знаемъ, что до коронаціи ты прилежалъ непорочно вѣрѣ,—и ученіе, способное осквернить слухъ, коснувшись вашего уха, переубѣдило и породило у васъ недоумѣніе: то, если хотите найти разрѣшеніе его, мы съ помощію Божіею рѣшаемся представить вамъ это разрѣшеніе. Это наша обязанность и самая важнѣйшая изъ всѣхъ обязанностей—уничтожать при помощи Божіей то, что причиняетъ вамъ соблазнъ. Открывать же уста и вмѣстѣ изслѣдовать духовное съ людьми, чуждыми духа, мы не считаемъ себя обязанными, какая бы крайность не побуждала насъ къ этому, и не согласимся съ изреченіями, набранными

ими изъ книгъ Писанія и отеческихъ, ибо, давно уже разъясненныя многими отцами, они потеряли силу“.

42. Царь, прерывая его, сказалъ: „но неужели тебѣ кажется, что Моисей относительно ихъ (иконъ) изрекъ неправду? Неужели ты можешь сомнѣваться, что слова Моисея суть слова Бога, Который запретилъ дѣлать идоловъ и изображенія не только людей, но всѣхъ вообще и неограниченно (живыхъ существъ), летающихъ по небу въ воздухѣ, живущихъ на землѣ, плавающихъ въ водѣ? Зачѣмъ же вы, дѣлая иконы, воздаете имъ почтеніе, когда это запретилъ законодатель?“

Патріархъ. Какъ бы въ глубокое и безпредѣльное море спора влечешь ты насъ, государь. По нему многіе часто плавали, но никто, насколько намъ извѣстно, не достигалъ гавани. Одни, считая иконы неразумнымъ обычаемъ и остаткомъ эллинскаго заблужденія, не давая себѣ яснаго отчета въ душѣ, клеветуютъ на нихъ и присоединяются къ обвинителямъ. Когда же доходить до дѣла, даютъ задній ходъ и поступаютъ противно тому, какъ думаютъ, ибо имѣютъ иконы у себя и въ церквахъ, и на площадяхъ, и въ домахъ, а нѣкоторые даже держатъ ихъ при себѣ, какъ неотлучныхъ спутниковъ на сушѣ и на морѣ. Другіе же, склоняясь предъ трудностями, тотчасъ при первомъ столкновеніи бросая духовное оружіе, показываютъ противнику тылъ,—и не почитаютъ иконъ пророковъ, ни изображеній апостоловъ и мучениковъ, но строятъ храмы, лишеныя всего этого, безъ фигуръ и образовъ, и возносятъ свои молитвы къ невидимому и безтѣлесному Богу. Впрочемъ, если угодно, мы не откажемся отъ изысканія и не забудемъ выхода, чтобы намъ, не дѣлая круговъ, но идя словомъ по

слѣдамъ истины, уловить ее сѣтями. И такъ, выслушай ученіе мудрое и истинное, которое ты примешь и одобришь, если дѣйствительно любишь правду и стремишься къ истинѣ.

43. Не знаешь развѣ, какое заблужденіе относительно Божества нѣкогда владѣло душами Египтянъ, и какъ низведши несотворенную и нематеріальную славу Бога въ матерію и форму, почитали ее въ человѣческомъ образѣ? Каковы были тѣ Озирисъ, Тихонъ, Оросъ, Изида и сонмъ другихъ боговъ-людей, жизнь которыхъ выказываетъ и изобличаетъ невоздержаніе, войны-жадность, смерть-природу? И развѣ только до этого они низвели Божество, развѣ они не изображали Божество въ видѣ неразумныхъ животныхъ и въ формахъ безсловесныхъ? И они поклонялись, какъ богу, собакѣ, воспѣвали быка-Аписа, козла-Гермеса, рыбу-Аѳину, неразумныхъ неразумно считали богами. Соединивъ же этихъ другъ съ другомъ, измыслили они и другихъ боговъ многообразныхъ и многовидныхъ, одного вообразивъ съ козлиными ногами (это былъ Панъ), другому приставляя морду собаки (этотъ назывался, кажется, Анувисомъ),—который не признавался ни за полного человѣка, ни за полную собаку. Говоря это, я, по твоему мнѣнію, ошибаюсь или близокъ къ истинѣ?

Царь. Ты говоришь правду.

Патріархъ. Когда законодатель, выводя преданный ему Богомъ народъ изъ Египта, хотѣлъ стереть глубоко въѣвшіяся въ душу его нечистоты и очистить его, чтобы онъ не представлялъ Божество человѣкообразно или подъ видомъ животныхъ, то увѣщевалъ и давалъ слѣдующія заповѣди: не дѣлайте такъ, какъ въ Египтѣ; да не будетъ среди васъ, неразумно учившихся у нихъ, изображенія Бога подъ видомъ тва-

рей, летающихъ въ воздухѣ, живущихъ на землѣ и плавающихъ въ водѣ. Это все не Богъ, хотя Египтянамъ и кажется это, и нельзя изображать того, что не можетъ быть видимо. Божество не имѣетъ вида и очертаній, оно не видимо и не есть ничто изъ того, что является и познается человѣческимъ зрѣніемъ. Оно можетъ быть созерцаемо только умомъ, если это кому по силамъ. И если Онъ творецъ всего, то не можетъ быть чѣмъ-нибудь изъ этого всего; если Онъ обнимаетъ все, то не можетъ быть заключенъ въ одномъ. Такимъ образомъ законодатель во имя единаго Бога запретилъ дѣлать изображенія. И что это такъ, онъ показываетъ самъ тѣмъ, которые желаютъ правильно понимать имъ написанное, ибо говоря о Богѣ и къ Нему единому относя рѣчь, онъ прибавляетъ: *да не поклонишися имъ, ниже послужиши имъ: яко Азъ есмь Господь Богъ твой, Богъ ревнивъ* (Втор. 5, 9). И будетъ нечестивымъ, легкомысленнымъ и нелѣпымъ замысломъ, если кто Бога, превышаго всякой природы, сущности и разумѣнія, Котораго никто не видѣлъ и видѣть не можетъ, осмѣлится представить себѣ взявъ форму и образъ Его изъ міра явленій. На это нечестиво дерзали Эллины: ища Бога, они не горѣ устремляли взоръ души своей и, не надъ воздухомъ и небомъ возносясь мыслию, тамъ искали желаемое, но склонялись къ землѣ и матеріи и, внизу истощивъ всю свою мудрость, объявили Богомъ явленія. Если кто-либо, чувствуя царя, или прославляя вождя, или преклоняясь предъ героемъ, дѣлаетъ ихъ портреты, то, я думаю, онъ не поступаетъ несправедливо, изображая красками тѣхъ, къ которымъ онъ восхищается и кого онъ видѣлъ своими глазами,—только тварь отнюдь не должна чувствоваться сообразно ихъ (Эллиновъ) глупой болтовнѣ, какъ Богъ, ибо вотъ такое-то почи-

таніе и запрещаетъ Моисей, отвергаетъ христіанскій законъ и не дозволяетъ Богъ: *славы моя*, говоритъ, *иному не дамъ* (Ис. 42, 8). Кто такъ понимаетъ изреченія законодателя, тотъ сохраняетъ чистымъ свой духовный взоръ и, созерцая неизмѣнно Чуждаго измѣненія, разумѣетъ, что Его не обнимаетъ ни образъ, ни краска, ни время, ни мѣсто и ничто изъ того, что свойственно тѣламъ и что привлекаетъ къ себѣ умъ чрезъ посредство глазъ. И опираясь на Того, Кто чуждъ тѣлесности, онъ пребываетъ твердымъ и стойкимъ въ добродѣтели, сохраняя и дѣла свои незапятнанными и чистыми. Кто же иначе понимаетъ это и въ душѣ своей страдаетъ недугомъ головокруженія относительно невидимаго и духовнаго, тотъ, удаляясь отъ мысли о Богѣ, спускается въ долину Леты, пресмыкаясь около тѣлъ и земли.

44. И такъ чтоже? Если понимать заповѣдь Моисея согласно съ твоими неопредѣленными разсужденіями, то развѣ не пришлось бы тебѣ признать, что и всѣ святые мужи, которые руководились наставленіями Моисея, не соблюли закона, ибо не избѣгали дѣлать изображенія того, что на небѣ, землѣ и въ морѣ?

Царь. Почему и какимъ образомъ?

Патріархъ. Неужели не слышалъ ты, государь, что Соломонъ, строя храмъ, внутри двора устроилъ мѣдное море, въ которомъ священники омывали руки, замаранныя кровію и грязью? На чемъ онъ водрузилъ его? Не отлилъ-ли онъ изъ мѣди двѣнадцать воловъ и, подставивъ ихъ, распростеръ надъ ними море? Какимъ же образомъ соблюлъ онъ законъ, допустивъ подобіе воловъ въ томъ, что посвящалъ онъ Богу? Въ нихъ, я думаю, онъ предуказалъ равночисленный сонмъ апостоловъ, которые, какъ мудрые пахари слова, поднимая море, то есть міръ, на высоту воздѣлыва-

ніемъ благочестія, очищали и водою ученія омывали оксверненныя кровію жертвъ руки священниковъ, чтобы они, прекративъ тѣ (жертвоприношенія), приносили безкровную жертву Господу (3 Цар. 7, 23 сл. и 2 Пар. 4, 2 сл.). Развѣ онъ, изготовивъ изукрашенные и многоцѣнные престолы, не помѣстилъ въ нихъ изображенія львовъ—верхнихъ приставивъ къ рукоятямъ, а нижнихъ разставивъ на ступени? Сдѣланы же были эти львы изъ слоновой кости (3 Цар. 10, 18—20 и 2 Парал. 9, 17—19).

45. И зачѣмъ говорить о другихъ, когда возможно доказать, что и самъ законодатель, если такъ судить, не слѣдовалъ собственнымъ постановленіямъ? Развѣ ты не знаешь, что онъ сдѣлалъ изъ чистаго золота очистилище (крышку), положилъ его надъ золотымъ кивотомъ и, какъ говоритъ Павелъ, считалъ это очистилище образомъ Спасителя и Господа нашего (Евр. 9, 4 ср. Рим. 3, 25)? И потомъ не поставилъ-ли онъ надъ симъ очистилищемъ двухъ херувимовъ, которые распростертыми крыльями осѣняли его и покрывали и безгласно и молча проповѣдывали тайное и непостижимое божество Явившагося на землѣ? Неужели ты не признаешь, что существуютъ эти одаренныя разумомъ силы, вверху небесныхъ свѣтоносныхъ сферъ окружающія и славящія Бога, наслаждающіяся миромъ и полнотою вѣдѣнія, которое онѣ имѣютъ о томъ, къ чему стремятся. Какимъ же образомъ законодатель, запретившій по твоему изображенія, сдѣлалъ изображенія херувимовъ? Видя также нѣкогда народъ Израильскій умирающимъ въ пустынѣ (смерть же причиняли змѣи, незамѣтно подползавшіе и впускавшіе свои смертоносныя жала въ путешествовавшихъ), сдѣлалъ онъ мѣднаго змѣя и повѣсилъ его какъ знаменіе, взирая на которое враждебныя силы-

змѣи умирали, а незамѣтно укушенные вдругъ исцѣлялись отъ ранъ. И это, какъ говорятъ, предуказывало и предзнаменовало моего Исуса, при видѣ Кого висящимъ на крестномъ древѣ тѣ (силы враждебныя) тотчасъ цѣпенѣютъ, становятся бездыханными и вотще извергаютъ и испускаютъ накопленный ими противъ людей ядъ зла; мы же, взирая на Него, становимся или совсѣмъ невосприимчивыми къ причиняемымъ ими воспаляющимъ укушеніямъ или пораженные выздоравливаемъ. Начальникъ же змѣй драконъ, сознавая силу Висѣвшаго на древѣ и помня устремленныя на него оттуда стрѣлы, убѣгаетъ прочь въ страхъ отъ прежняго пораженія, оплакивая еще и новое свое попраніе. Видишь-ли, какъ не безопасно толковать такъ безразсудно и неосновательно то, что сказано законодателемъ?

46. Можетъ быть, припомнишь, государь, и то, за что нѣкогда законодатель вознегодовалъ на народъ Израильскій?

Царь. Знаю, что (негодовалъ) часто; но какой случай напоминаешь ты, не знаю.

Патріархъ.—Тотъ, когда справедливо гнѣвался на нихъ за то, что сдѣлали голову золотого тельца. Забывъ чудеса въ Египтѣ, переходъ черезъ море, внезапное избіеніе первенцевъ, измѣненіе стихій, они, пока законодатель находился на горѣ, голову тельца объявили богомъ. Неужели въ этомъ погрѣшившими они должны представляться тебѣ, и законодатель развѣ обвиняетъ ихъ именно за то, что они безразсудно отлили тельца?

Царь. Почему?

Патріархъ. Потому что если мы будемъ порицать ихъ за это, то должны будемъ обвинить и Соломона за то, что онъ поставилъ воловъ. Итакъ, и мы обви-

няемъ евреевъ и законодатель вмѣнилъ имъ въ преступленіе именно то, что они объявили тельца Богомъ и нечестиво приписывали ему спасеніе въ Египтѣ. Поэтому не просто только подобіе запретилъ онъ дѣлать, но подобіе Бога. Посему и Писаніе говоритъ, что взявъ золотыя серьги у женщинъ, они сдѣлали золотую голову тельца, прикровенно указывая, кажется, на то, что уши этихъ людей, воспринявъ правильное ученіе о Богѣ, а потомъ впавъ въ заблужденіе, обнажились и лишились украшеній. Но законодатель, какъ говоритъ тоже Писаніе, растеръ тельца и, размѣшавъ его въ водѣ, напоилъ ею народъ. Что означаетъ это? Видя, какъ думаю, что народъ не знаетъ своего заблужденія относительно идоловъ и не понимаетъ громадности проистекающаго отсюда вреда, онъ училъ его, давая точное и ясное понятіе о немъ (заблужденіи), поилъ народъ и внѣдрялъ въ сердца, чтобы впредь не овладѣвало имъ такъ легко невѣдѣніе нечестія.

47. Теперь я хочу сказать еще вотъ что.

Царь. Чтѣ именно?

Патріархъ. Не принято-ли у людей дѣлать изображенія свирѣпыхъ львовъ съ страшнымъ взглядомъ, или дикихъ ошестинившихся вепрей, или какъ бы въ горахъ и долинахъ скачущихъ лошадей, или разныхъ птицъ, представляемыхъ поющими такъ (живо), что (зрители) нерѣдко готовы бываютъ слушать голосъ ихъ? И это люди изображаютъ одни на стѣнахъ, другіе вышиваютъ на одеждахъ, а нѣкоторые даже, изваявъ изъ мѣди и золота, для услажденія и украшенія ставятъ ихъ въ домахъ или на площадяхъ. Неужели же это оскверняетъ людей и человѣческую жизнь, если только они по нечестивому эллинскому пустословію не называютъ сдѣланнаго Богомъ? Если

же кто-либо по неразумію, слѣдуя демонскому заблужденію, будетъ считать что-либо изъ этого Богомъ, то не забросаемъ-ли мы тотчасъ камнями, не сожжемъ-ли огнемъ, не ввергнемъ-ли въ свирѣпыя пасти звѣрей?

48. Итакъ, есть только одинъ путь, государь, справедливо рѣшить (вопросъ)—это узнать и признать, что законодатель запретилъ и возбранилъ намъ дѣлать изображенія одного только Бога. И если мы утверждаемъ это, то уже ни древнихъ, жившихъ подъ закономъ, не можемъ осуждать, ни мы христіане не погрѣшаемъ, изготовляя иконы мучениковъ и другихъ святыхъ людей и посредствомъ видимаго образа обозначая то, что невидимо въ нихъ. И если согласятся со мной сторонники благочестія, предметъ этотъ надо раздѣлять и опредѣлять такимъ именно образомъ и разсматривать съ двухъ сторонъ, которыя извращать и смѣшивать невозможно.

Царь. Какъ и въ какомъ отношеніи?

Патріархъ. Такъ, что не должно дѣлать изображеній Бога ¹⁾, а если кто дерзнетъ на это, то какъ послѣдователь эллинскаго ученія подлежитъ самому строгому наказанію. Но можно изображать людей святыхъ, прославленныхъ близостію къ Богу и чистотою жизни, являющихся посредниками между Нимъ и нами, возносящихъ къ Богу прошенія и приносящихъ намъ отъ Бога даруемое. Вѣдь не одно и то же, не одно, государь, тѣ, которые приступаютъ къ Богу, и тѣ, которые прославлены Имъ. Близость къ Богу соразмѣряется съ жизнью и за дѣлами слѣдуетъ соотвѣтствующее воздаяніе. Богъ вѣченъ и

¹⁾ Разумѣются изображенія Бога, какъ Бога, неописуемаго и неизобразимаго.

не происходит; все же невѣчное и происшедшее во времени получило свое бытіе отъ Существующаго ¹⁾. И на этомъ основаніи можно называть служебнымъ въ отношеніи къ Богу все то, что происходитъ, ибо произведеніе по справедливости считается служебнымъ въ отношеніи къ производящему. Но по степени приближенія къ Богу и по различію обуславливаемой этимъ славы для приходящихъ къ Нему полагаются разныя наименованія. Кои изъ страха наказанія воздерживаются отъ грѣховъ, тѣхъ можно называть слугами Божиими, по истинѣ нерадивыми рабами, имѣющими нужду въ бичеваніяхъ, заключеніи и угрозахъ, чтобы не грѣшить. Другіе, стремясь къ добродѣтели въ надеждѣ на будущія блага, не могутъ быть названы домочадцами, но суть наемники, такъ сказать, Бога, ради выгоды и награды исполняющіе долгъ. Но есть наконецъ и такіе, кои, превосходя этихъ, искренно и безкорыстно предаются добру и стремятся къ нему не изъ страха грядущихъ наказаній и не въ надеждѣ будущихъ благъ, а дѣлаютъ добро ради самаго добра. Обладая истинными сокровищами мудрости, они по справедливости могутъ быть названы сынами Божиими, какъ наслѣдники Божіи и сонаслѣдники Христа. Они, хотя и люди, однако усердно молятъ Бога всяческихъ и ходатайствуютъ за людей уже во время пребыванія въ этой скитальческой и беспорядочной жизни, но особенно тогда, когда, скинувъ отрепья, сбросивъ оковы и обременяющій прахъ, возвративъ матеріи матерію, чистые чисто восходятъ къ благому и милостивому Господу.

49. *Царь*. Такъ чтоже? Неужели по твоему не яв-

¹⁾ Левъ А плыцій: ex nihilo—изъ ничего.

ляются общниками эллинскихъ ученій дѣлающіе изображенія, какъ сказалъ ты, такихъ святыхъ людей?

Патріархъ. Нельзя такъ, безъ всякихъ основаній, обвинять ихъ, но должно разсмотрѣть и изслѣдовать это.

Царь. Зачѣмъ же христіане готовятъ эти изображенія, зачѣмъ пишутъ?

Патріархъ. Неужели, государь, они надѣляютъ свои изображенія неизреченною и божескою Сущностію?

Царь. Никакимъ образомъ.

Патріархъ. Развѣ чтутъ ихъ, какъ причастныхъ существу первой и высочайшей Причины?

Царь. Конечно, нѣтъ.

Патріархъ. Считаютъ-ли ихъ смертными людьми?

Царь. Да.

Патріархъ. За что же порицать насъ, если, видѣвъ ихъ, какъ людей, мы какъ людей и изображаемъ ихъ. А имя Божіе, какъ исключительное, къ сотвореннымъ природамъ неприменимое, мы оставляемъ для Сущности, превосходящей все, какъ Ему одному подобающее, которую (сущность) мы не должны изображать, ибо какъ изображать то, чего мы не видали глазами? Напротивъ, мы должны употреблять иконы мучениковъ и другихъ святыхъ мужей, почитая ихъ не какъ боговъ (да не преступимъ этимъ должнаго), а какъ вѣрныхъ слугъ Божіихъ, чтобы воздать имъ за ихъ мужество, и чтобы то, что мы сами, обремененные грѣхами, не можемъ просить у Царя, они, какъ царскіе оруженосцы, лично испрашивали за насъ.

50. Если угодно, свою рѣчь я поясню примѣрами изъ человѣческой жизни. Не согласишься-ли ты, что Творецъ міра, какъ добрый кормчій, заботясь о спокойствіи плавающихъ въ немъ, поставилъ на землѣ

царя, какъ бы образъ Себя Самого, чтобы гонимые людьми не претерпѣли въ волнахъ жизни участи ко- рабля, лишеннаго груза?

Царь. Да.

Патріархъ. Онъ же,—не будучи Богомъ, но желая подражать Богу, насколько это возможно для чело- вѣка, поелику онъ (царь) ограниченъ и есть просто только челоувѣкъ,—посредствомъ назначенія другихъ начальниковъ наполняетъ государство своимъ при- сутствиемъ, чтобы и въ отсутствіи быть предъ всѣми и, находясь далеко, наводитъ страхъ на подданныхъ. Такъ неужели же потерпитъ онъ, если мы постав- ленныхъ имъ правителей станемъ называть царями и присвоять имъ его достоинство?

Царь. Нѣтъ.

Патріархъ. Но будетъ-ли онъ порицать насъ, если мы станемъ обращаться и просить поставленныхъ имъ и согласно его волѣ ведущихъ дѣла начальни- ковъ и чрезъ нихъ представлять ему прошенія, ко- торыхъ представить не можемъ мы сами?

Царь. Отнюдь нѣтъ.

Патріархъ. Такъ, государь, нужно думать и о Богѣ: Онъ гнѣвается, если божескую честь мы воздаемъ другому, и похваляетъ и радуется, если мы желаемъ чтить слугъ его.

51. И мудрѣйшій Павелъ оказывается близкимъ къ этому воззрѣнію, когда въ посланіи къ Римля- намъ не просто осуждаетъ иконы и не укоряетъ за одно только употребленіе иконъ, но именно за то, что они *измѣнили славу нетлѣннаго Бога въ образъ, подоб- ный тлѣнному челоувѣку* (Рим. 1, 23). Дѣйствительно, дерзки и безразсудны тѣ, кои не видѣли ни образа, ни вида Бога и не въ состояніи представить ихъ (какъ земнородные и грубые, какъ рабы чувствен-

ности, какъ плоть, какъ лишенные духа и движенія, какъ безсильные нематеріально устремляться къ нематеріальному и не могущіе переступить природу видимаго), чтили, какъ Бога, только то, что видѣли. И здѣсь долженъ ты весьма подивиться намѣренію Апостола: словомъ *измѣнили* онъ указываетъ и внушаетъ, что насажденные въ душахъ понятія о Богѣ и начальныя преданія первыхъ людей знали только единаго истиннаго Бога, но любители земной мудрости, при помощи нефилософской философіи и неразумнаго разума дерзко вырвавъ корни благочестія, измѣнили ихъ и извратили и, посявавъ многобожіе, потеряли истину, которою обладали, усвоивъ Богу подобіе человѣка, птицъ и проч. Вѣдь измѣняетъ то, что прежде имѣлъ, предпочитающій несуществующее у него предъ существующимъ, а чего кто не имѣлъ, того онъ никогда и не захотѣлъ бы измѣнять.

52. *Царь*. Слѣдовательно, ты утверждаешь, что заповѣдь законодателя должна быть относима только къ Богу и запрещаетъ писать только Его иконы?

Патріархъ. Да, я это утверждаю и утверждать никогда не престану.

Царь. Но развѣ ты не исповѣдуешь Христа истиннымъ Богомъ?

Патріархъ. Конечно, исповѣдую.

Царь. А развѣ ты не допускаешь иконъ Христа?

Патріархъ. Допускаю.

Царь. Какимъ же образомъ, исповѣдуя Христа истиннымъ Богомъ, ты допускаешь иконы Христа, если писать иконы Бога запретилъ законодатель?

Патріархъ. Благо да будетъ тебѣ, государь. Выдвигаемый тобою вопросъ сдѣлаетъ истину яснѣе. Скажи же, исповѣдуешь-ли ты Христа истиннымъ Богомъ и истиннымъ человѣкомъ?